

DIE WELT DER SLAVEN SAMMELBÄNDE · СБОРНИКИ

Herausgegeben von
Peter Rehder (München) und Igor Smirnov (Konstanz)

Band 56

2015
Verlag Otto Sagner
München – Berlin – Washington/D.C.

ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД:
ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И КОНТЕКСТ
VERBAL ASPECT:
GRAMMATICAL MEANING AND CONTEXT

Под редакцией
Розанны Бенакьо

2015
Verlag Otto Sagner
München – Berlin – Washington/D.C.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Департамента
Лингвистических и Литературных Исследований при Падуанском Университете

Научный Комитет:
Адриан Барентсен (Амстердам)
Розанна Бенаккьо (Падуя)
Вальтер Брой (Констанц)
Бьорн Вимер (Майнц)
Луцина Геберт (Рим)
Надежда Зорихина Нильссон (Штокгольм)
Владимир Климонов (Берлин)
Елена Падучева (Москва)
Владимир Плунгян (Москва)
Людмил Спасов (Скопье. Председатель Комиссии по Аспектологии МКС)
Ханну Томмола (Тампере).

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek
Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der
Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten
sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar

Технический редактор:
Адриано Паван

Рисунок на обложке
Художник: Георгий Холодовский

ISBN 978-3-86688-526-4; e-Book 978-3-86688-527-1

© 2015 bei Kubon & Sagner GmbH
Heßstr. 39/41 – D-80798 München *** Friedrichstr. 200 – D-10117 Berlin
1532 T Street NW – Washington/D.C. 20009, USA
Telefon +49(0)8954218–107; Telefax +49(0)8954218–216
»Verlag Otto Sagner« ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH
Die Auslieferung für die USA übernimmt die Kubon & Sagner Inc., Washington/D.C.
Druck und Bindung: Strauss GmbH, D-69509 Mörlenbach

БЫТИЙНОСТЬ И КАТЕГОРИЯ ВИДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Verbal predications are “covert” existential statements. Their function is to provide information on the existence of situations in a given discourse. Analogous to nominal groups in existential sentences, verbal predicates can have either concrete-referential status or general-referential status, and accordingly refer to one or more TOKENS or to the TYPE of the denoted situation. Based on examples in the past tense, it is shown that the difference between TOKEN and TYPE reference is relevant for the category of aspect in Russian.

1. Референтно-семантическое различие между «типом» и «экземпляром»

В рамках референтной семантики различаются два разных способа соотносительности языкового выражения с внеязыковой действительностью, во-первых, языковые выражения, которые отсылают к одной или к нескольким индивидуализованным, во временно-пространственном мире дискурса локализованным сущностям, и, во-вторых, такие, которые отсылают к общим, нелокализованным сущностям. Именная группа в примере (1) допускает оба осмысления:

(1) Все студенты нашего института хорошо говорят по-русски.

Именная группа *все студенты нашего института* может относиться к студентам, которые сейчас, т.е. во время высказывания, учатся у нас в институте. В этой первой интерпретации обозначается закрытый класс. Референты могут быть идентифицированы как индивиды. Они учтены в зарегистрированной картотеке нашего института и таким образом могут быть перечислены. Однако наш пример можно понять и так, что речь идет не только о студентах, обучающихся в нашем институте в настоящее время, но и о студентах, обучавшихся у нас ранее и о тех, которые будут, возможно, обучаться в будущем. В этой второй интерпретации именная группа *все студенты нашего института* обозначает открытый класс. В таком осмыслении обозначаемые референты нельзя идентифицировать. Они не могут быть перечислены, так как обозначаемая через предикат *хорошо говорит по-русски* ситуация не является локализованной и, таким образом, нет точки на оси времени, которая позволяла бы их перечисление. Для этого различия в языкознании используются самые разные термины:

Individual vs. Genus (Krámský 1972: 30)

Object vs. Kind (Krifka 1995: 403)

Specific vs. non-specific reference (Karttunen 1971)

Referentiality vs. non-referentiality (Givón 1978: 293)

Референтные vs. нереферентные именные группы (Падучева 1985: 86-101)

Конкретный референтный статус vs. родовой статус (Апресян 2009: 498)

* Мне хотелось бы от всей души поблагодарить Наталью Ланге (Кильский университет) и Светлану Шувалову (Орхус), которые любезно обсудили со мной все приведенные в этой статье примеры. За все возможные ошибки несу ответственность я.

Конкретнореферентный vs. общереферентный статус (Козинцева 1991: 18)

Частная vs. общая предметная отнесенность (Маслов 1975: 113)

Я буду использовать понятия «type» и «token» и переводить их как «тип» и «экземпляр»¹. В аналитической философии эти понятия употребляются, чтобы отличить абстрактные сущности от их реализации. «Tokens» понимаются как «instantiations» определенного «type»². При этом я буду использовать понятия «тип» и «экземпляр» не только для референциального статуса именных предикатов, но и для референциального статуса глагольных предикаций. Употребляя понятия «тип» и «экземпляр» для глагольных предикаций, я опираюсь на такие работы, как Langacker 1991: 55-58, Leiss 2000: 254-259, Dahl, E. Hedin 2000: 386-389, E. Hedin (2000), но прежде всего на диссертацию Mueller-Reichau 2010: 57-66, в которой сопоставляются русские и «западные» теории референции и подробно анализируются различия между ними.

В русском языке осмысление именной группы как «экземпляра» или как «типа» может зависеть от категории вида, как показывает сравнение примеров (2) и (3):

- (2) Кто из вас уже когда-нибудь брал^[НСВ] книги в университетской библиотеке и знает, где стоят словари?
 (3) Кто уже взял^[СВ] книги в библиотеке? Словари взять не забыли?

В НСВ именная группа *книги* отсылает к «типу» обозначаемых объектов, в СВ напротив к «экземплярам», т.е. к книгам, которые наличествуют во время высказывания. Отсылка к «экземплярам» отличается от отсылки к «типу» тем, что при отсылке к «экземплярам» множественное число *книги* обозначает несколько книг. При референции к «типу» это не обязательно. На вопрос (2) может ответить и тот, кто взял только одну книгу.

2. Бытийные высказывания о пространственных сущностях

Бытийные высказывания имеют функцию установления существования пространственных или временных сущностей в некотором пространстве. Они состоят из трех компонентов, во-первых, из локализатора, т.е. из выражения, обозначающего пространство, в котором устанавливается существование некоторого объекта, во-вторых, из выражения, которое обозначает в этом пространстве существующий объект и, в-третьих, из выражения, обозначающего существование этого объекта (Арутюнова 1976, Арутюнова, Ширяев 1983). И в бытийном предложении именная группа также может отсылать как к «экземпляру», так и к «типу» обозначаемого объекта. Осмысление объекта как «экземпляра» или как «типа» может зависеть от семантики бытийного глагола. Такие бытийные глаголы, как *иметься* или *водиться* всегда отсылают к «типу» обозначаемого объекта. Ср.:

¹ Для различия между «экземпляром» и «типом» я в более ранних работах использовал понятия «актуализованное» vs. «не-актуализованное описание ситуации» (±AKTUALITÄT).

² Понятия «token» и «type» как в аналитической философии, так и в языкознании не всегда используются в том смысле, в каком их ввел Ч. Пирс (Peirce 1971 [1906]). См. обстоятельный обзор этого вопроса в книге Hutton 1990.

- (4) У нас в лесу водятся волки.

Предикация сообщает, что наш лес характеризуется тем, что в нем есть волки. При отсылке к «типу» множественное число не несет информации о количестве волков, имеющих в лесу. Речь может идти и об одном единственном волке.

В отличие от этого такие бытийные глаголы, как *находиться* или так называемые делексикализованные глаголы бытийности как *стоять* (*На окраине города стоит телебашня*) отсылают к «экземплярам» обозначаемого объекта, как в примере (5):

- (5) В этом вольере у нас находятся волки. [В зоопарке]

В этом примере отсылается к волкам, которые сейчас наличествуют в вольере.

Особенность русского языка состоит в том, что в бытийных высказываниях, которые отсылают к конкретно-предметным сущностям, в настоящем времени употребляются две формы, неспрягаемая форма *есть* и так называемая «нулевая» форма бытийного глагола. Как я пытался показать в работе Мелиг 2004, бытийное предложение с формой *есть* всегда отсылает к «типу» обозначаемого объекта, а бытийное предложение с нулевой формой к «экземпляру». Это демонстрирует сравнение примеров (6) и (7):

- (6) У Саши ЕСТЬ книги на латышском языке?³

Цель вопроса (6) состоит в том, чтобы выяснить, имеется ли в пространстве, о котором идет речь, в нашем примере в личной сфере Саши, хотя бы один объект, принадлежащий к классу «книги на латышском языке». В отличие от этого вопрос (7) с нулевой формой отсылает к индивидуализованным объектам, которые уже введены в дискурсе в своем существовании и которые поэтому могут быть идентифицированы не только говорящим, но и адресатом вопроса. Ср.:

- (7) У Саши книги на ЛАТЫШСКОМ языке?

Вопрос с нулевой формой имеет таксономическую функцию. Объекты, уже введенные в дискурсе в своем существовании, характеризуются более подробно.

3. Бытийные высказывания о временных сущностях

Временные сущности могут быть обозначены существительными, например, такими как *встреча*, *собрание* или *шум*. Но в первую очередь они обозначаются глагольными предикатами, т.е. глаголами с зависящими от них аргументами. Глагольные предикаты точно так же как и именные предикаты, могут отсылать к «экземплярам» и к «типу» обозначаемой ситуации. В русском языке осмысление глагольного предиката как «экземпляра» или как «типа» может зависеть от категории вида.

В примере (8) глагольный предикат *поднять/поднимать* употребляется в инфинитиве и, таким образом, нереперентно:

- (8) Саша может поднять^[CB] / поднимать^[NCB] 30 кг одной рукой.

³ В данной статье прописными буквами обозначается слово, которое является интонационным центром высказывания.

Носителем референции в примере (8) является финитная форма глагола *мочь*. Но если глагольные предикаты употребляются в финитной форме, и, таким образом, наличествует предикация, то мы имеем дело со «скрытыми» бытийными высказываниями. Предикации, т.е. глаголы в финитной форме, по аналогии с бытийными предложениями, сообщают о существовании некоторой ситуации в дискурсе. Так в высказывании (9) предикация сообщает, что в течение прошлой недели имела место встреча между Сашей и Машей:

(9) На прошлой неделе Саша и Маша встретились^[СВ] в ПАРИЖЕ.

Обстоятельство времени *на прошлой неделе* образует временной локализатор для бытийного высказывания. Финитная форма *встретились* содержит двойную информацию. Во-первых, она сообщает, что во время прошлой недели некоторая ситуация имела место и, во-вторых, описывает эту ситуацию как *встречу между Сашей и Машей*. Эту двойную функцию финитной формы глагола, а именно, введения в дискурс в своем существовании некоторой ситуации и одновременно описания ее, можно продемонстрировать посредством преобразования глагольной предикации в бытийное предложение. Ср.:

(9а) На прошлой неделе имела место встреча между Сашей и Машей.

В результате преобразования глагольной предикации мы получаем бытийное предложение, которое, по аналогии с именными бытийными предложениями, состоит из трех компонентов, во-первых, – теперь временного – локализатора (*на прошлой неделе*), во-вторых, бытийного глагола (*иметь место*) и, в-третьих, номинализованной формы описания ситуации (*встреча*).

1. Временной локализатор обозначает временное пространство, в котором реализуется бытийное высказывание. В нашем примере временной локализатор *на прошлой неделе* имеет функцию более точно локализовать обозначаемую ситуацию внутри временного пространства, обозначаемого прошедшим временем. Без локализатора *на прошлой неделе* обозначаемая ситуация в примере (9) локализовалась бы во временном пространстве, начало которого определяется прагматически и которое простирается до времени высказывания. Предикации, в том числе и преобразованные в бытийное предложение, помимо временного локализатора могут иметь другие факультативные компоненты, которые так же, как временной локализатор, не являются частью описания ситуации, например обстоятельства причины или обстоятельства места, как *в Париже* в нашем примере.

2. Бытийный глагол, как второй компонент, принимает на себя информацию о существовании. Для предикатов индивидуального уровня, т.е. для предикатов, которые обозначают «эпизодические» ситуации, таковым является бытийный глагол *иметь место*⁴. Бытийный глагол *иметь место* сочетается с эпизодическими ситуациями любой семантики. Кроме того, для временных сущностей в бытийных

⁴ «Вневременные» или «квалитативные» предикаты (individual – level predicates), обозначающие не-квантифицируемые ситуации, как, например, *владеть языком*, не сочетаются с бытийным глаголом *иметь место*. Сущности, обозначаемые «вневременными» предикатами не *имеют место*, а *существуют*.

предложениях может быть употреблен и глагол *быть*. (О других глаголах, которые могут обозначать существование временных сущностей в бытийном предложении, а также ограничения в их употреблении см.: Арутюнова, Ширяев 1983: 128-137). При номинализации глагольное описание ситуации теряет возможность выражать категории времени, вида, залога и модуса. Эту функцию принимает на себя при преобразовании бытийный глагол. Если бытийный глагол обладает видовыми формами, как, например, *происходит* или *совершается*, то он может выражать и видовую характеристику.

3. Третьим компонентом при преобразовании глагольной предикации в бытийное предложение является номинализованное описание ситуации. Оно состоит из номинализованного глагольного выражения и всех от него зависящих дополнений. Другими словами, оно содержит все, что является синтаксически и семантически зависимым от глагольного выражения.

Бытийные предложения могут иметь в дискурсе разные коммуникативные функции. Они могут вводить сущность заново в дискурс. Н.Д. Арутюнова говорит в таком случае о «нейтральном» коммуникативном статусе (Арутюнова, Ширяев 1983: 53). Они могут верифицировать существование обозначаемой сущности, т.е. ставить под вопрос, подтверждать или отрицать ее существование. В этом случае они имеют верификативный статус. Наконец они могут описывать ситуацию, существование или несуществование которой предполагается. В таком случае они имеют экспликативный статус. Это различие является релевантным и для глагольных предикаций. Они тоже различаются коммуникативным статусом, который они имеют в дискурсе. Этот коммуникативный статус предикации в тексте можно продемонстрировать с помощью применения к бытийному преобразованию предикации членения на «тему» и «рему». Если предикация вводит новую ситуацию в дискурс и тем самым имеет нейтральный коммуникативный статус, то бытийный глагол и описание ситуации вместе образуют рему бытийного предложения. Ср.:

- (10) Вчера Саша и Маша переставляли^[НСВ] МЕБЕЛЬ.
 ≈ Вчера [имела место перестановка МЕБЕЛИ]_{рема}

Если предикация имеет цель верифицировать существование обозначаемой ситуации, то рему бытийного предложения образует только бытийный глагол. Ср.:

- (10а) – Саша и Маша вчера ПЕРЕСТАВЛЯЛИ^[НСВ] мебель?
 – Да, ПЕРЕСТАВЛЯЛИ^[НСВ].
 ≈ Вчера [перестановка мебели]_{тема} [ИМЕЛА место]_{рема}

Наконец глагольная предикация может иметь и экспликативный коммуникативный статус. Он налицо, если существование какой-то ситуации предполагается, и предикация имеет цель только описать предполагаемую в своем существовании ситуацию. В таком случае рему бытийного предложения образует только описание ситуации. Ср.:

- (10б) – Почему вы вчера опоздали^[СВ]?
 – Мы переставляли^[НСВ] МЕБЕЛЬ.
 ≈ Вчера [имела место]_{тема} [перестановка МЕБЕЛИ]_{рема}

Независимо от их коммуникативного статуса глагольные предикации по аналогии с именами в бытийных предложениях могут отсылать как к «типу», так и к «экземпляру» обозначаемой ситуации. Этот референтный статус предикации является релевантным для категории вида в русском языке. Глагольные предикации в СВ всегда отсылают к одному или нескольким «экземплярам», т.е. к индивидуализованным, локализованным в дискурсе ситуациям. В отличие от этого глагольные предикации в НСВ могут отсылать как к «экземплярам», так и к «типу» обозначаемой ситуации. Эту связь между референтным статусом предикаций и категорией вида мне хотелось бы продемонстрировать на примере общего да-нет вопроса.

3.1. Предикации в НСВ как отсылка к «типу» обозначаемой ситуации

Без дальнейшего контекста такой вопрос как (11) в НСВ отсылает к общей ситуации, т.е. к «типу» обозначаемой ситуации:

(11) Саша и Маша на прошлой неделе **ВСТРЕЧАЛИСЬ**^[НСВ]?

Поскольку мы имеем дело с общим вопросом, рему в бытийной парафразе образует только бытийный глагол *иметь место*:

(11a) На прошлой неделе **ИМЕЛА МЕСТО** встреча между Васей и Машей?

С помощью предикации (11) запрашивается, имела ли место в релевантном временном пространстве, т.е. на прошлой неделе, хотя бы одна ситуация, принадлежащая к классу ситуаций, которые можно обозначать как «встреча Саши и Маши». В таком случае мы имеем дело с употреблением НСВ, которое называется общефактическим значением, а иногда и экзистенциальным значением НСВ⁵. Как в вопросе, так и в ответе количество обозначаемых ситуаций остается открытым. Оно может быть специфицировано дальнейшим контекстом. Ср.:

(11б) Да, они **ВСТРЕЧАЛИСЬ**, но только один раз / даже три раза.

Если описание ситуации с НСВ в общефактическом значении в дальнейшем контексте упоминается повторно, то специфицирование количества может быть осуществлено и через выбор вида. Ср.:

(11в) – Саша и Маша на прошлой неделе **ВСТРЕЧАЛИСЬ**^[НСВ]?
 – Да, они **ВСТРЕЧАЛИСЬ**^[НСВ].
 – И где они **встречались**^[НСВ] / **встретились**^[СВ]?

При повторном упоминании в НСВ остается неопределенным, имела ли место одна или несколько встреч. Напротив, исходное высказывание в общефактическом НСВ при повторном упоминании в СВ понимается как отсылка к точно одному «экземпляру» обозначаемой ситуации, т.е. к одной встрече.

Так как при отсылке к «типу» количество обозначаемых ситуаций остается неопределенным, обозначаемые ситуации не могут быть идентифицированы ни го-

⁵ Как это принято в русской аспектологии, я буду говорить о разных «значениях» видов. Было бы более корректно, говорить о разных «интерпретациях» или «функциях» видов, которые СВ и НСВ могут приобрести посредством лексического значения предиката, языкового и ситуативного контекста и, не в последнюю очередь, в соответствии с нашим представлением о мире.

ворящим, ни адресатом. Поэтому номинализованное описание ситуации в бытийной парафразе (11г) в артиклевом языке, таком, как английский, должно быть введено неопределенным артиклем. Ср.:

(11г) Was there a meeting between Sasha and Masha last week?

Такое употребление неопределенного артикля обозначается как нереферентное (Breu 2003: 29-33, Князев 2007: 210-213), или как неспецифическое (Karttunen 1971)⁶. В русском языке нереферентная неопределенность описания ситуации в бытийной парафразе может быть маркирована тем, что номинализованное описание ситуации вводится прилагательным местоимением *такой*⁷. Ср.:

(11д) На прошлой неделе такая ситуация, как встреча между Сашей и Машей, имела место?

Когда НСВ употребляется в общефактическом значении, т.е., как отсылка к общей ситуации, к «типу» обозначаемой ситуации, тогда предикация не допускает перфективации. В русском языке отсылка к «типу» возможна только в НСВ.

Отсылка к «типу» всегда предполагает, что в релевантном пространстве имеется больше, чем один «экземпляр» этого «типа». Поэтому, например, собственные имена в бытийном предложении должны быть реклассифицированы как имена нарицательные. В таком случае они отсылают только к имени или к носителю имени. Ср.:

(12) У нас в классе тоже есть Саша.

Для глагольных предикатов отсылка к нескольким сущностям означает, что обозначаемые ситуации должны быть потенциально повторимы, см.: Mehlig 1979: 159-161, Падучева 1996: 39, Шатуновский 2004 и, в особенности, 2009: 140-147. Исторические события, например, переход Суворова через Альпы в 1799 г., не выполняют это условие. Поэтому НСВ в примере (13) не допускает общефактическую интерпретацию⁸:

(13) В 1799 г. Суворов переходил^[НСВ] через Альпы.

Как я пытался показать (Mehlig 2011: 187-192) все возможные прочтения общефактического НСВ, такие, как, например, двунаправленность обозначаемой ситуации или т.н. общефактическое нерезультативное, можно вывести из критерия потенциальной повторяемости обозначаемой ситуации. Такой пример, как (14), как будто противоречит критерию потенциальной повторяемости, поскольку – как аргументирует О. Мюллер-Рейхау (Mueller-Reichau 2011), которому я обязан этим

⁶ Нереферентную неопределенность (non-specific indefiniteness) надо отличать от референтной неопределенности (specific indefiniteness). Нереферентная неопределенность налицо, когда языковое выражение отсылает к не-индивидуализованным сущностям, к «типу» обозначаемого объекта. Референтная неопределенность налицо, когда языковое выражение отсылает к индивидуализованным сущностям, к «экземпляру» обозначаемого объекта, которые говорящему известны, а адресату не известны, т.е. к объектам, которые адресат не может идентифицировать.

⁷ О местоимении *such* 'такой' как показателе нереферентной неопределенности см.: Landman, Morzycki 2003.

⁸ НСВ в этом примере в зависимости от контекста имеет единично-фактическое или прогрессивное значение. Прогрессивная интерпретация налицо, если предикация открывает текст и служит фоном для других ситуаций, которые произошли во время перехода через Альпы.

примером – у каждого человека есть только один аппендикс, который нельзя много раз удалить. Предикация обозначает ситуацию с непосредственным результатом⁹, который в «нашем» мире не допускает аннулирования. Ср.:

- (14) Тебе когда-нибудь удаляли^[НСВ] аппендикс?
Как ты перенес^[СВ] наркоз?

Однако, аппендикс есть у каждого человека и на этом уровне обозначаемая ситуация является повторимой. Цель этого вопроса состоит в том, чтобы выяснить, относится ли адресат вопроса к классу таких людей, у которого удаляли аппендикс. Ср. соответственное именное бытийное предложение, в котором надо употребить бытийный глагол *есть*:

- (15) У Саши еще ЕСТЬ аппендикс?

Такой пример, как (16), тоже, кажется, противоречит критерию потенциальной повторяемости, так как на основе нашего представления о мире в течение одной ночи можно встать в четыре часа только один раз. Ср.:

- (16) Саша вчера вСТАВАЛ^[НСВ] в четыре часа?
≈ Вчера такая ситуация, как [вставать в четыре часа] ИМЕЛА место?

Поскольку рассматриваемая ситуация в пространстве, обозначаемом временным локализатором *вчера*, в «нашем» мире понимается как не-повторимая, предикация в общефактическом НСВ отсылает к ситуации, которая повторяется циклично. Запрашивается, имела ли место такая ситуация, как «вставать в четыре часа», которая обычно происходит ежедневно, и вчера тоже. Более формально: относится ли и вчерашний день к классу тех дней, когда Саша встал в четыре часа и опять лег. Е.В. Падучева (1996:46) классифицирует значение общефактического НСВ в предикациях, обозначающих, как (14) и (16) ситуации, которые внутри обозначаемого локализатором временного пространства не являются повторимыми, как «общефактическое конкретное».

В бытийных предложениях, которые отсылают к конкретно-предметным объектам, эти два прочтения общефактического НСВ различаются употреблением единственного или множественного числа. С бытийным предложением в единственном числе (17) запрашивается, относится ли Саша к классу женатых людей:

- (17) У Саши ЕСТЬ жена?

Напротив, при употреблении множественного числа в (18) личная сфера Саши является локализатором, и цель вопроса состоит в том, чтобы узнать, имеет ли Саша хотя бы одного ребенка. Ср.:

- (18) У Саши ЕСТЬ дети?

⁹ О различии между «непосредственным результатом» и «косвенным эффектом» см.: Князев 2007: 403. На релевантность этого различия для общефактического значения НСВ указывали А. Гренн и М. Филошкина Краве (Гренн, Филошкина Краве 2007:54). Они употребляют понятия «лексикализованное итоговое состояние» (*зачитать книгу до дыр*) vs. «тривиальное итоговое состояние» (*прочитать книгу*). Подробное исследование этого различия с некоторыми отсылками к русскому языку можно найти в статье Mittwoch 2008, где используются понятия «strong» и «weak resultatives».

Глагольные предикации не могут морфологически различить эти два прочтения, так как множественное число у глагольных предикаций является согласовательной категорией (Шатуновский 2009: 166). Поэтому без контекста в примере (19) нельзя решить, отсылает ли предикация в общефактическом значении НСВ к хотя бы одной или к ровно одной ситуации данного «типа».

(19) Саша вчера пил^[НСВ] чай?

Если предполагается, что Саша ежедневно пьет чай точно один раз, то вопрос отсылает к одной ситуации названного «типа», т.е. мы имеем дело с общефактическим конкретным.

Если НСВ употребляется в общефактическом значении, то обозначаемая ситуация не получает видовую характеристику. Поэтому у такой предикации, как (20) с НСВ в общефактическом значении в принципе остается открытым вопрос, заполнена ли анкета до конца:

(20) Ты когда-нибудь заполнял^[НСВ] такую анкету?

Если (20) без дальнейшего контекста понимается как отсылка к ситуации, которая достигла своей кульминационной точки, то мы имеем дело лишь с импликатурой, которую можно снять, как показывает следующий контекст. Ср.:

(20а) – Ты когда-нибудь ЗАПОЛНЯЛ^[НСВ] такую анкету?
– Да, ЗАПОЛНЯЛ^[НСВ]. Но я ее тогда не до конца заполнил^[СВ].

Если, напротив, такая предикация как (21) допускает только одну интерпретацию, а именно как отсылку к (хотя бы разу) успешной ситуации, то это происходит только потому, что предикат *находить грибы* обозначает моментальную ситуацию, у которой нет процессного компонента, и которая поэтому не может быть безрезультатной. Ср.:

(21) В этом лесу мы в прошлом году находили^[НСВ] ГРИБЫ.

Употребление НСВ в общефактическом значении не имеет никаких семантических ограничений. Онтологические критерии, такие как точечность, дуративность, агентивность или контролируемость обозначаемой ситуации, не являются релевантными для общефактического употребления НСВ. Отсылка к «типу» не подлежит и морфологическим ограничениям. Даже вторичные глаголы НСВ видовых троек, типа *прочитывать* или *съесть*, могут быть употреблены в НСВ с общефактическим значением. Ср.:

(22) Ты когда-нибудь ПРОЧИТЫВАЛ^[НСВ] 300 страниц за одну ночь?

Отсылка к общей ситуации, к «типу» обозначаемой ситуации, допускается не только в прошедшем времени, но во всех финитных глагольных формах¹⁰. Такое побуждение с НСВ в императиве, как *Посещайте нас!* при отсылке к «типу», к общей ситуации, понимается как побуждение к адресату хотя бы один раз осуществить обозначаемую ситуацию во временном пространстве, которое начинается с момента высказывания и конец которого определяется прагматически.

¹⁰ Об общефактическом значении НСВ в будущем времени см.: Парешнев 2004.

Любая ситуация, выполняющая критерий потенциальной повторяемости, воспроизводимости во времени, допускает употребление НСВ в общефактическом значении. Или точнее: если НСВ употребляется в общефактическом значении, то тем самым обозначаемая ситуация концептуализуется как потенциально повторяемая.

3.2. Предикации в СВ как отсылка к «экземпляру» обозначаемой ситуации

Если в нашем примере употребляется СВ, то предикация соотносится с «экземпляром», с индивидуализованной, локализованной во временном пространстве ситуацией.

(23) Саша и Маша на прошлой неделе **ВСТРЕТИЛИСЬ**^[СВ]?

В таком случае мы имеем дело с употреблением СВ, которое называется конкретно-фактическим¹¹. Когда предикация, как в нашем примере, имеет верифицирующий коммуникативный статус, тогда она отсылает не только к индивидуализованной ситуации, к «экземпляру» обозначаемой ситуации, но и к «экземпляру» ситуации, который известен не только говорящему, но и адресату вопроса. Задавая верифицирующий вопрос (23) в СВ, спрашивающий исходит из того, что адресат знает, что Саша и Маша запланировали на прошлой неделе именно одну встречу. В предикации с верифицирующим коммуникативным статусом, если они отсылают к конкретной ситуации, к «экземпляру обозначаемой ситуации, описание ситуации всегда имеет референтный статус определенности. Поэтому в бытийном преобразовании предикации описание ситуации в таком артиклевом языке, как английский, должно быть введено определенным артиклем или другим показателем определенности¹². Ср.:

(23a) Did the meeting between Sasha and Masha take place last week?

В русском языке в бытийной парафразе описание ситуации должно образовывать «тему» бытийного предложения, которое таким образом тоже интерпретируется как определенное, так как неопределенность языкового выражения в «теме» должна быть маркирована дополнительными средствами (Weiss 1983: 233). Ср.:

(23б) [Встреча между Васей и Машей] _{тема} на прошлой неделе [ИМЕЛА место] _{рема}?

¹¹ Конкретно-фактическое значение СВ обычно отличается от аористического или событийного значения СВ, каким оно является, например, в последовательности событий типа *Мужик уронил^[СВ] топор в реку, с горя сел^[СВ] на берег и стал^[СВ] плакать*. Если СВ имеет событийное или аористическое значение, то мы тоже имеем дело с предикациями, которые отсылают к индивидуализованным ситуациям, к «экземплярам» обозначаемой ситуации.

¹² Референтную определенность, которая налицо в примере (24), надо отличать от временной определенности. Временная определенность имеет место, когда «the situation is identified with respect to other elements of the surrounding context» (Dickey 2000: 54). Это условие, выполнено в примере *Он вернулся^[СВ], медленно разделся^[СВ] и лег^[СВ] спать*. С точки зрения референтной семантики в приведенном примере налицо референтная неопределенность. Эти предикации имеют нейтральный коммуникативный статус. Они вводят новые ситуации в дискурс и отсылают к индивидуализованным ситуациям, к «экземплярам» обозначаемых ситуаций, которые известны говорящему, но неизвестны адресату.

Предикации в СВ отсылают к индивидуализованным ситуациям не только тогда, когда они имеют верифицирующий коммуникативный статус, но и тогда, когда они имеют нейтральный статус, как в примере *Мужик уронил^[СВ] топор в реку, с горя сел^[СВ] на берег и стал^[СВ] плакать*, или имеют экспликативный статус, как в примере *Что это за шум? ДЕТИ уже вернулись^[СВ]?* Особенность верифицирующих высказываний состоит только в том, что обозначаемые ситуации могут быть идентифицированы не только говорящим, но и адресатом. Для предикаций в СВ, которые имеют нейтральный или экспликативный коммуникативный статус, это неверно. Более подробно о связи СВ и референтной определенности обозначаемой ситуации см. в работах Mehlig 1988 и 2011.

3.3. Предикации в НСВ как отсылка к «экземпляру» обозначаемой ситуации

3.3.1. Единично-фактическое значение НСВ

При определенных условиях и предикации, которые относятся к «экземпляру», к индивидуализованной ситуации, также допускают употребление НСВ, как показывает следующий пример:

- (24) [Как ты знаешь, Саша и Маша договорились встретиться^[СВ] на прошлой неделе. Ты слышал^[НСВ] что-нибудь об этом?] Они уже ВСТРЕЧАЛИСЬ^[НСВ]?

Как показывает контекст, этот вопрос в НСВ отсылает к индивидуализованной ситуации и точно так же, как соответствующий вопрос в СВ, к ситуации, которая известна как говорящему, так и адресату вопроса, так как мы имеем дело с верифицирующим высказыванием. И в НСВ описание ситуации в данном контексте имеет статус референтной определенности. Говорящий и адресат в состоянии идентифицировать обозначаемую ситуацию. Поэтому и в НСВ описание ситуации в бытийной парафразе в таком артиклевом языке, как английский, должно быть введено с определенным артиклем или другим показателем определенности и, соответственно, в русском языке должно находиться в теме бытийного предложения. При такой интерпретации НСВ не имеет общефактического значения. Предикация в примере (24) отсылает не к общей ситуации, не к «типу», а к индивидуализованной конкретной ситуации, т.е. к «экземпляру» обозначаемой ситуации. М.А. Шелякин (2007: 86-92) обозначал это употребление НСВ как «единично-фактическое». Если НСВ употребляется в этом значении, то обозначаемая ситуация только называется, констатируется как факт. В отличие от СВ при употреблении НСВ в единично-фактической функции, точно так же как в общефактической функции, обозначаемая ситуация не получает видовую характеристику.

Пример (24) как в СВ, так и в НСВ, понимается как отсылка к ситуации, которая достигла своей точки кульминации, и является таким образом типичным примером так называемой видовой конкуренции. Тем не менее, между двумя предикациями имеется различие. В СВ глагольная форма сообщает о достижении кульминационной точки, а в НСВ эта информация исходит только из семантики глагола *встретаться*. Этот глагол принадлежит к классу тех глаголов, которые Ю.С. Маслов (Маслов 2004 [1948]: 86) называл «глаголами непосредственного, непрерывного эффекта». Они характеризуется тем, что обозначают предельные ситуации, которые не могут быть безуспешны. В отличие от глагола *встретаться* такие предикаты,

как, например, *заполнять анкету* или *ставить палатку* обозначают ситуации, которые можно прервать и осуществить поэтапно. Когда эти предикаты, обозначающие частично реализуемые ситуации, употребляются в единично-фактическом значении, то – в отличие от предикаций с СВ – в принципе остается открытым, достигла ли обозначаемая ситуация своей кульминационной точки или нет. Без дальнейшего контекста пример (25) с НСВ в единично-фактическом значении понимается как отсылка к ситуации, которая достигла своей кульминационной точки:

- (25) – Ты ЗАПОЛНЯЛ^[НСВ] анкету, которую я тебе вчера дал^[СВ]?
 – Да, заполнял^[НСВ] и даже отправил^[СВ].

Однако в такой интерпретации мы имеем дело с импликатурой, которую можно снять, как показывает пример (25а). В контексте (25а) предикация с НСВ в единично-фактическом значении обозначает ситуацию, которая не достигла своей точки кульминации:

- (25а) – Ты ЗАПОЛНЯЛ^[НСВ] анкету, которую я тебе вчера дал^[СВ]?
 – ЗАПОЛНЯЛ^[НСВ], но заполнил^[СВ] ее не до КОНЦА.

В отличие от этого соответствующий вопрос в СВ (25б) может обозначать только ситуацию, которая достигла своей точки кульминации:

- (25б) – Ты ЗАПОЛНИЛ^[СВ] анкету, которую я тебе вчера дал^[СВ]?
 – Да, ЗАПОЛНИЛ^[СВ]. Вот она.

Поэтому в предикации, которая обозначает ситуацию, не достигшую своей точки кульминации, исключается употребление парного глагола СВ¹³.

Мы видели, что при употреблении НСВ в общефактическом значении всегда предполагается, что обозначаемая ситуация является потенциально повторимой. На единично-фактическое употребление НСВ это не распространяется. Это показывает процитированный выше пример (25). Предикация относится к определенному экземпляру анкеты и таким образом отсылает к уникальной ситуации, которая является неповторимой¹⁴. И все-таки единично-фактическое употребление оказывается возможным, как показывает еще раз следующий контекст:

- (25в) Ты ЗАПОЛНЯЛ^[НСВ] анкету, которую я тебе вчера дал^[СВ]? Как ты ответил^[СВ] на второй вопрос?

¹³ Так как предикат *заполнять анкету* является гибридным в своей акциональности, т.е. является Accomplishment-предикатом с гомогенным Activity-компонентом, при не-достижении точки кульминации перфективация допускается посредством делимитативного способа действия: *Саша немного позаполнял^[СВ] анкету, но до конца он ее не заполнил^[СВ]*.

¹⁴ Пример (25) обозначает уникальную неповторимую ситуацию, если мы отвлечемся от того, что, во-первых, записи в анкете могут быть стерты, и что, во-вторых, анкета может быть заполнена поэтапно. В обоих случаях допускается общефактическое употребление НСВ. Если после удаления записей анкету надо заполнить^[НСВ] снова, то допускается двунаправленная интерпретация общефактического НСВ: *Я уже ЗАПОЛНЯЛ^[НСВ] эту анкету, но надо было все стереть*. Если подлежащая заполнению анкета так длинна или так сложна, что ее заполнение требует нескольких дней, то тоже допускается употребление НСВ в общефактическом значении: *Ты вчера, как обычно, ЗАПОЛНЯЛ^[НСВ] анкету, которую тебе послали^[СВ] из посольства?* В таком случае общефактическое значение НСВ приобретает цикличную интерпретацию. Цель вопроса состоит в том, чтобы выяснить, принадлежал ли и вчерашний день к классу тех дней, когда адресат вопроса занимался заполнением данной анкеты.

Так как второй вопрос отсылает к ситуации, которая имела место во время заполнения анкеты, и таким образом к процессу заполнения, употребление НСВ в единично-фактическом значении является в этом контексте предпочтительным, но не обязательным выбором. Если в контексте речь идет об анкете не полностью заполненной, вопрос возможен опять только в НСВ.

Без дальнейшего контекста, как правило, не решить, имеем ли мы дело с общефактическим или с единично-фактическим значением НСВ. Это может продемонстрировать следующий пример:

(26) Саша, ты звонил^[НСВ] Маше?

В контексте (26а) мы имеем дело с общефактическим употреблением НСВ:

(26а) – Саша, ты случайно не знаешь новый номер телефона Маши? Может быть, ты ей уже звонил^[НСВ]?
– Да, знаю. Я ей уже звонил^[НСВ], и не раз. / Нет, не знаю. Я ей еще не звонил^[НСВ].

В данном контексте вопрос отсылает к «типу» обозначаемой ситуации. Цель вопроса состоит в том, чтобы выяснить, звонил ли Саша хотя бы один раз во временном пространстве, которое вследствие прагматических соображений начинается с момента, когда Маша получила новый телефон, и простирается до момента речи. Как в вопросе, так и в ответе количество возможных звонков остается открытым. Так как предикация в НСВ отсылает к «типу» обозначаемой ситуации, описание ситуации в бытийной парафразе имеет референтный статус нереперентной неопределенности. Ср.:

(26б) Такая ситуация, как звонок Саши Маше, уже ИМЕЛА место?

Предикация в этом прочтении не позволяет употребления СВ. Отсылка к «типу» обозначаемой ситуации в русском языке возможна только в НСВ.

В отличие от этого вопрос (26) в контексте (26в) отсылает к единичному, запланированному звонку, т.е. к звонку, о котором говорящий и адресат вопроса знают:

(26в) – Саша, ты вчера звонил^[НСВ] Маше, как ты собирался^[СВ] ? Выяснил^[СВ], когда она придет?
– Да, звонил^[НСВ] и выяснил^[СВ]. Она придет во вторник.

В таком случае мы имеем дело с единично-фактическим употреблением НСВ. Ситуация только называется, никакой видовой характеристики при этом не содержится. Без дальнейшего контекста этот вопрос понимается как отсылка к ситуации, достигшей своей кульминационной точки. Но опять же, это является только импликатурой, которую можно снять, как показывает следующий контекст:

(26г) – Саша, ты вчера звонил^[НСВ] Маше, как ты собирался^[СВ] ? Выяснил^[СВ], когда она придет^[СВ]?
– Звонил^[НСВ], но не дозвонился^[СВ].

Если наш вопрос (26в) отсылает к ситуации, достигшей своей точки кульминации, то может быть употреблен и СВ. Таким образом обозначаемая ситуация получает видовую характеристику и цель вопроса состоит в том, чтобы выяснить, достигла ли обозначаемая ситуация своей точки кульминации.

Мы видели, что употребление НСВ в общефактическом значении не имеет никаких ограничений в плане семантики обозначаемой ситуации. Для единично-фактического употребления НСВ это неверно. Единично-фактическое употребление НСВ допускается только тогда, когда мы имеем дело с агентивными контролируруемыми ситуациями (Leinonen 1982: 190, Падучева 1996: 51). Глагольные предикаты, которые обозначают не-агентивные ситуации, такие как *таять* или агентивные, но неконтролируемые ситуации, такие как *терять ключ* не допускают употребление НСВ в единично-фактическом значении. НСВ в такой предикации, как (27), допускает только общефактическую интерпретацию. Предикация может отсылать только к «типу» обозначаемой ситуации. Ср.:

- (27) – Саша уже ТЕРЯЛ^[НСВ] свой ключ?
– Да, ТЕРЯЛ^[НСВ], и не раз.

Так как единично-фактическое употребление НСВ возможно только у предикаций, обозначающих контролируемые агентивные ситуации, Е.В. Падучева предложила для обозначения единично-фактического употребления НСВ понятие «акциональное значение НСВ». Я, однако, придерживался термина М.А. Шелякина «единично-фактическое значение НСВ», так как этот термин показывает, что есть связь между общефактическим и единично-фактическим употреблением НСВ. В обоих случаях обозначаемая ситуация не получает видовую характеристику.

3.3.2. Прогрессивное значение НСВ

Единично-фактическое значение НСВ следует отличать от «прогрессивного» значения НСВ. Мы имеем дело с прогрессивным значением НСВ, если предикация, отсылающая к конкретной ситуации, к «экземпляру» ситуации, посредством контекста представляется в «процессе своего осуществления» (Бондарко 1983:119). При этом надо различать два варианта прогрессивного значения НСВ, которые в рамках Европейского проекта 20-6 «Tense and Aspect in the Languages of Europe» называются «focalized progressive» и «durative progressive» (Bertinetto et al. 2000). Фокусированная прогрессивность налицо, когда обозначаемая ситуация соотносится с точкой фокализации (focalization point), которая включает обозначаемую ситуацию, и обозначаемая ситуация концептуализуется как протекающая, развертывающаяся во времени этой точки, как в следующем примере:

- (28) Когда мы пришли^[СВ], наши соседи переставляли^[НСВ] мебель.

Этот вариант прогрессивного значения НСВ, когда ситуация соотносится в своем протекании с временной точкой, с «точкой наблюдателя», в рамках русской аспектологии называется «актуально-длительным» значением НСВ. Если мы имеем дело с предельной ситуацией, как в примере (28), то НСВ в значении фокусированной прогрессивности обозначает ситуацию, которая в точке фокализации осуществлена лишь частично.

Второй вариант прогрессивного значения НСВ, дуративная прогрессивность, налицо, когда предикация соотносится не с точкой фокусирования, а с временным пространством и обозначаемая ситуация концептуализуется как одновременно, синхронно происходящая в течение этого временного интервала. В таком случае

мы имеем дело не с «monofocalizzazione», а с «plurifocalizzazione», с множеством точек фокусирования (Bertinetto 1986:164). Ср.:

- (29) – Что это вчера был за шум за стеной?
– Наши соседи переставляли^[НСВ] мебель.

Для этого варианта прогрессивности в рамках русской аспектологии употребляются самые разные термины: например, процессное, процессуальное, дуративное, длительное значение НСВ. Если мы имеем дело с предельной ситуацией, то дуративный прогрессив в отличие от фокусированного прогрессива обозначает ситуацию, при которой остается открытым вопрос, достигла ли она своей точки кульминации.

В рамках русской аспектологии эти два прогрессивных значения НСВ часто не различаются. Понятие «конкретно-процессное» значение многими аспектологами употребляется как для фокусированной, так и для дуративной прогрессивности. В русском языке прогрессивное употребление НСВ допускается только при отсылке к конкретной ситуации, к «экземпляру» обозначаемой ситуации. Предикации, отсылающие к «типу», к общей ситуации, не позволяют прогрессивную интерпретацию НСВ.

Как мы видели, такой вопрос как *Ты ЗАПОЛНЯЛ эту анкету?* может отсылать как к «экземпляру», так и к «типу» обозначаемой ситуации. Если этот вопрос отсылает к «экземпляру» обозначаемой ситуации, что является обязательным при употреблении СВ, то этот вопрос допускает ответ и с НСВ в прогрессивном значении, как показывает следующий пример:

- (30) – Ты ЗАПОЛНИЛ^[СВ] анкету, которую я тебе дал^[СВ]?
– Нет еще. Целый вечер сидел^[НСВ] и заполнял^[НСВ] ее, но до конца не заполнил^[СВ].

При употреблении НСВ в прогрессивном значении, как в примере (30), предикация обозначает процесс, осуществлявшийся параллельно с течением другой ситуации, в нашем примере ситуацией «сидеть». Здесь мы имеем дело с дуративной прогрессивностью НСВ. В дальнейшем мы ограничимся рассмотрением НСВ только в его фактической интерпретации.

4. Предикации в НСВ в анафорической функции

До сих пор мы показывали релевантность между «типом» и «экземпляром» для категории вида в русском языке исключительно на примере изолированных высказываний. В этом разделе мне хотелось бы показать релевантность этого различия в рамках дискурса, а именно на примере диалогов.

4.1. Различие между «типом» и «экземпляром» в предикациях, которые содержат дополнительную информацию о ситуациях, уже введенных в дискурс.

В качестве исходной точки для анафорического употребления языковых выражений я опять возьму бытийные предложения, которые отсылают к конкретно-предметным объектам. В таком примере как (31), именная группа *русско-латышский словарь* допускает как специфическую, так и неспецифическую интерпретацию:

- (31) Я ищу русско-латышский словарь.

Если в мире говорящего нет «экземпляра» обозначаемого объекта и, таким образом, именная группа интерпретируется как неспецифическая, то анафорическая повторная отсылка к языковому выражению *русско-латышский словарь* возможна только через отсылку к «типу» этого объекта. В бытийном предложении следует употребить глагольную форму *есть*. Ср.:

- (31a) – Я ишу русско-латышский словарь.
– У меня ЕСТЬ русско-латышский словарь. Возьми его.

В отличие от этого именная группа *русско-латышский словарь* в контексте (31б) вследствие наличия ограничительного относительного предложения понимается как специфическая.

- (31б) – Я ишу русско-латышский словарь, который здесь лежал.
– Он у меня.

При специфическом прочтении именная группа *русско-латышский словарь* отсылает к «экземпляру», к словарю, который говорящий и адресат могут идентифицировать. Поэтому при повторном упоминании в бытийном предложении употребляется нулевая форма бытийного глагола. Ответом является локальное предложение.

Для анафорического упоминания языковых выражений, которые обозначают временные сущности, т.е. ситуации, действуют аналогичные правила. Если именная группа *эта анкета* в таком примере, как (32), относится не к «экземпляру» анкеты, наличествующему в ситуации диалога, а к «типу» этой анкеты¹⁵, то и вопрос в примере (32) должен быть интерпретирован как отсылка к «типу» обозначаемой ситуации.

- (32) Кто уже когда-нибудь ЗАПОЛНЯЛ^[НСВ] эту анкету и знает, как ответить^[СВ] на второй вопрос?

В таком случае налицо общефактическое употребление НСВ: в бытийной парафразе описание ситуации имеет референтный статус нереферентной неопределенности.

- (32a) Имела ли место когда-нибудь (хотя бы раз) такая ситуация, как заполнение этой анкеты и, если да, то кто этим занимался?

Напротив, в контексте (33) именная группа *анкета* отсылает к присутствующей в ситуации анкете, к «экземпляру» анкеты и, если не учитывать приведенные в замечании 14 возможности интерпретации этого примера, то мы имеем дело с неповторимой ситуацией. Ср.:

- (33) На столе лежит^[НСВ] заполненная анкета. Кто ее заполнял^[НСВ] / заполнил^[СВ]?

Так как мы имеем дело с контролируемой агентивной ситуацией, то, если анкета заполнена полностью, вопрос об агенте возможен в обоих видах. В СВ тематизируется результат. Поэтому употребление СВ является обязательным, если в вопросе имеется оценка результата. Ср.:

¹⁵ Такие объекты, как *анкета, перевод, программа, лекарство* и многие другие допускают как субстанциальную идентификацию, так и идентификацию по содержанию. При идентификации по содержанию эти объекты допускают отсылку к «типу» и тогда, когда они введены показателем определенности, как *эта анкета* в примере (32), см.: Рахилина 2000: 69.

- (33а) Кто так небрежно заполнил^[CB] анкету, которая здесь лежит^[HCB]? Три пункта не заполнены, подпись отсутствует.

Когда употребляется HCB, мы имеем дело с единично-фактическим значением HCB. Ср.:

- (33б) [На столе лежит заполненная анкета.] Кто ее заполнял^[HCB]? Саша? Он забыл^[CB] ответить на второй вопрос.

При употреблении HCB в его нейтральной форме, без видовой характеристики, наличествующий результат не тематизуется. В контексте примера (34б) предпочитается употребление HCB, так как вопрос является фоном для другой ситуации, которая случилась во время заполнения анкеты. Сама цель вопроса состоит в том, чтобы выяснить, кто во время заполнения анкеты забыл ответить на второй вопрос. Но и в этом контексте употребление CB не исключено. Ср.:

- (33в) [На столе лежит заполненная анкета.] Кто ее заполнил^[CB]? Саша? Он забыл^[CB] ответить на второй вопрос.

О.П. Рассудова (1982: 55-60) различает при вторичном упоминании ситуации в HCB, имеющей единично-фактическое значение, два варианта, для которых она употребляет понятия «процесс» и «общефактическое значение»¹⁶. Рассудова обозначает HCB в единично-фактическом значении как «процесс», когда цель повторного кореферентного упоминания ситуации состоит в том, чтобы определить агенс ситуации, которая имела место во время совершения ситуации, названной в первом вопросе, как в выше приведенном примере (33б). Можно предположить, что Рассудова выбрала понятие «процесс», потому что в таких случаях предикация с HCB в единично-фактическом значении допускает преобразование в предложение с прогрессивным значением HCB. Ср.:

- (33г) Когда Саша заполнял^[HCB] анкету, он забыл^[CB] ответить на второй вопрос.

Хотя такое преобразование с HCB в прогрессивном значении допускается, все-таки в примере (33б) мы не имеем дело с прогрессивным употреблением HCB. Возможность интерпретировать предикацию в HCB с единично-фактическим значением как «процесс» выводится из «видовой нейтральности» единично-фактического HCB, а в примере (33б) одновременно и из семантики описания ситуации. Предикат *заполнять анкету* обозначает ситуацию, которая уже на лексическом уровне имеет процессный компонент. При употреблении HCB в единично-фактическом значении этот процессный компонент предиката тематизуется.

Остается добавить, что анафорическое упоминание ситуации в HCB может отсылать и к ситуации, в которой HCB имеет прогрессивное значение, как показывает следующий пример:

- (34) [Когда я вчера вечером проходил^[HCB] мимо вашего дома, там кто-то играл^[HCB] на пианино.] Кто там играл^[HCB], Саша?

¹⁶ О.П. Рассудова, как почти все аспектологи, не различает общефактическое и единично-фактическое значения HCB. Она употребляет термин «общефактическое значение» для обоих употреблений HCB.

Вопрос в НСВ повторно отсылает к ситуации, в которой НСВ имеет прогрессивное значение. В этом примере мы имеем дело, как в первом предложении, так и в вопросе с дуративным прогрессивом.

4.2. Отрицание и отсылка к «экземпляру» или к «типу» обозначаемой ситуации

В заключение мне хотелось бы продемонстрировать релевантность различия между «экземпляром» и «типом» для категории русского вида на примере отрицательных предложений. Я опять начну с бытийных предложений, в которых именная группа отсылает к предметно-конкретным объектам. При употреблении глагольной формы *есть* в бытийном предложении, как в примере (35), языковое выражение *русско-латышский словарь* отсылает к «типу» обозначаемого объекта.

(35) У кого есть русско-латышский словарь? У Саши?

В этом случае и при отрицании повторное упоминание должно отсылать к «типу», и это независимо от того, имеем ли мы дело с общим или с частным отрицанием. В обоих случаях употребление бытийного глагола *есть* является обязательным. При общем отрицании глагол *есть* включен в слово *нет* (=не есть). Ср:

(35а) Общее отрицание:

У Саши НЕТ русско-латышского словаря.

(35б) Частное отрицание:

Русско-латышский словарь есть не у Саши, а у МАШИ.

То же самое верно и для глагольных предикаций, если они отсылают к «типу» обозначаемой ситуации, как в примере (36):

(36) Кто уже ЗАПОЛНЯЛ^[НСВ] такую анкету и знает, как ответить на второй вопрос? Саша?

(36а) Общее отрицание:

Нет, Саша не знает. Он ее не ЗАПОЛНЯЛ^[НСВ].

(36б) Частное отрицание:

Нет, [я точно знаю, что кто-то ЗАПОЛНЯЛ^[НСВ] такую анкету, но заполнял^[НСВ] ее, во всяком случае,] не САША.

Как при общем, так и при частном отрицании, в примере (36) мы имеем дело с общефактическим значением НСВ. В обоих случаях предикация отсылает к «типу» обозначаемой ситуации, как демонстрируют следующие именные парафразы:

(36аа) Общее отрицание:

Нет, Саша не знает. Он не ЗАПОЛНЯЛ^[НСВ] такую анкету.

≈Такой ситуации, как заполнение такой анкеты со стороны Саши, НЕ БЫЛО.

(36бб) Частное отрицание:

Нет, заполнял^[НСВ] такую анкету не Саша.

≈Такая ситуация, как заполнение такой анкеты БЫЛА, но не со стороны САШИ.

Ситуация, концептуализуемая как «тип», никогда не допускает отрицания через «экземпляр», т. е. через СВ.

Совсем другая картина возникает, если отрицание отсылает к «экземпляру», к индивидуализованной сущности. В таком случае, как имена, так и глагольные предикации, при отрицании допускают не только кореферентную отсылку к «эк-

земпляру», но также и отсылку к «типу». Начнем опять с бытийного предложения, в котором именная группа отсылает к конкретно-предметному объекту:

(37) У кого русско-латышский словарь, который здесь лежал? У Саши?

В случае частного отрицания, как в примере (37а), введенный в предтексте в своем существовании объект *русско-латышский словарь* кореферентно упоминается повторно и информируется о том, что не Саша является тем человеком, который взял словарь:

(37а) – У кого русско-латышский словарь, который здесь лежал? У Саши?
– Нет, не у Саши.

Однако данный вопрос допускает и отрицание посредством отсылки к «типу» обозначаемого объекта, как показывает следующий пример:

(37б) – У кого русско-латышский словарь, который здесь лежал? У Саши?
– Нет, у Саши его нет.

Если введенный как «экземпляр», т.е. индивидуализованный объект *русско-латышский словарь*, при отрицании повторно упоминается как «тип», то сообщается, что в соответственном пространстве, т.е. в личной сфере Саши, не имеется такого объекта как искомый словарь.

В сфере глагольных предикаций существуют такие же возможности отрицания предикации. Отрицание может касаться конкретной ситуации, упомянутой в предтексте, но может также отсылать и к «типу» обозначаемой ситуации. В вопросе (38) употребляются СВ, который всегда отсылает к индивидуализованной ситуации, т.е. к «экземпляру» ситуации.

(38) Кто заполнил^[СВ] анкету, которая здесь лежит? Саша?

Этот вопрос можно, с одной стороны, отрицать через частное отрицание, отсылающее к введенной в предтексте индивидуализованной ситуации. В таком случае допускается употребление как СВ, так и НСВ. Если употребляется СВ, как в ответе (38а), упоминаемая в предтексте ситуация кореферентна повторно упомянутой и отрицается только агенс этой ситуации. Ср.:

(38а) – Кто заполнил^[СВ] анкету, которая здесь лежит? Саша?
– Нет, [заполнил^[СВ] ее] не Саша, а Петя.

При употреблении СВ подтверждается, что обозначаемая в вопросе ситуация достигла своей кульминационной точки и одновременно сообщается, что агенсом является не Саша, а другое лицо, которое должно быть названо при ответе. Без этой поправки ответ в примере (38а) является неполным. Так как ответ кореферентно отсылает к ситуации, введенной в вопросе, повторение глагольного предиката в ответе является редундантным.

Но пример (38) допускает частное отрицание и в НСВ. Тогда мы имеем дело с единично-фактическим значением НСВ:

(38б) – Кто заполнил^[НСВ] анкету, которая здесь лежит? Саша?
– Нет, заполнял^[НСВ] ее не Саша.

При употреблении НСВ в единично-фактическом значении кореференция сохраняется. Предикация в НСВ, точно так же, как в СВ, кореферентно указывает на введенную в вопросе ситуацию. Однако при употреблении НСВ обозначаемая ситуация не получает видовую характеристику. Тематизируется свойственный глагольному предикату процессный компонент: не Саша занимался заполнением анкеты. В таком случае эллипсис глагольного предиката не является возможным, так как имеет место переход от конкретно-фактического значения СВ в вопросе к единично-фактическому значению НСВ в ответе.

Такая возможность отрицания индивидуализованной ситуации посредством частного отрицания в НСВ с единично-фактическим значением существует опять только тогда, когда мы имеем дело с агентивными контролируруемыми ситуациями. Для такого примера, как (39), возможность частного отрицания с НСВ в единично-фактическом значении исключается, потому что мы имеем дело со случайной, т.е. с неконтролируемой ситуацией.

- (39) – Кто потерял^[СВ] паспорт? Саша?
 –*Нет, терял^[НСВ] его не Саша, а Антон.

В примере (38) отрицание в ответе на вопрос может быть выражено и через общее отрицание в НСВ, как показывает пример (40). В таком случае НСВ имеет общефактическое значение.

- (40) – Кто заполнил^[СВ] анкету, которая здесь лежит? Саша?
 – Нет, Саша ее не заполнял^[НСВ].

При употреблении общего отрицания в НСВ, как в примере (40), имеет место переход от конкретной ситуации в вопросе, от «экземпляра», к «типу» обозначаемой ситуации и в связи с этим происходит усиление отрицания. Сообщается о том, что в данном контексте не имела место такая ситуация, которая может быть обозначена как «заполнение анкеты со стороны Саши». Ср.:

- (40а) Такой ситуации, как заполнение анкеты со стороны Саши, не было.

Общее отрицание может быть далее усилено тем, что отрицается и существование обозначаемого объекта в рамках данного дискурса. Ср.:

- (40б) – Кто заполнил^[СВ] анкету, которая здесь лежит? Саша?
 – Нет, не Саша. Саша никакой анкеты не заполнял^[НСВ].

Наконец, можно отрицать и существование временной точки, в которой обозначаемая ситуация могла бы иметь место и таким образом еще сильнее отрицать предположение в вопросе, что анкету заполнил Саша. Ср.:

- (40в) – Кто заполнил^[СВ] анкету, которая здесь лежит? Саша?
 – Нет, не Саша. Саша никогда никакой анкеты не заполнял^[НСВ].

Если в примере (40) введенная в предтексте индивидуализованная ситуация отрицается посредством общего отрицания, то допускается только употребление НСВ в общефактическом значении, так как предикация тогда отсылает к «типу» обозначаемой ситуации.

Однако, общее отрицание в нашем примере (40) возможно и в СВ, как показывает следующий пример:

- (40г) – Кто заполнил^[CB] анкету, которая здесь лежит? Саша?
 – Нет. Саша ее еще не ЗАПОЛНИЛ^[CB].

При отрицании в СВ когерентность диалога имеет место только тогда, когда отрицаемая предикация отсылает к другой не идентичной с упомянутой в вопросе ситуации. Другими словами, между ситуацией в вопросе и ситуацией в отрицательном ответе нет кореферентности. Анафорическое местоимение *ее* в ответе соотносится не с анкетой, упоминаемой в вопросе, но с другим экземпляром такой анкеты, который Саша должен был заполнить. При употреблении СВ сообщается, что эта вторая ситуация еще не достигла своей кульминационной точки. Так как отрицается только достижение результата обозначаемой ситуации, в данном примере остается открытым вопрос, была ли обозначаемая ситуация уже начата. Такой предикат, как *заполнять анкету*, обозначает ситуацию, которая может быть осуществлена поэтапно и которую можно прерывать. Поэтому при отрицании СВ не исключено, что анкета частично уже заполнена.

Если отрицательный ответ понимается как отсылка к другой ситуации, которая не идентична упомянутой в вопросе, то допускается и отрицание с помощью НСВ, который в таком случае имеет единично-фактическое значение. Ср.:

- (40д) – Кто заполнил^[CB] анкету, которая здесь лежит? Саша?
 – Нет, Саша ее еще не ЗАПОЛНЯЛ^[НСВ].

При употреблении НСВ отрицается существование обозначаемой ситуации. По сравнению с отрицанием в СВ здесь имеет место усиление отрицания. Сообщается, что ожидаемая ситуация, т.е. заполнение анкеты Сашей, в своей целостности не имела места, т.е. ситуация даже не начата. Употребление НСВ в единично-фактической функции в нашем примере допускается, потому что мы имеем дело с контролируемой ситуацией.

Употребление видов при отрицании еще раз показывает, что описание видов в русском языке требует четкого различия «экземпляра» и «типа» обозначаемой ситуации. При отрицании предикаций, которые отсылают к индивидуализованной ситуации, к «экземпляру» обозначаемой ситуации, допускается употребление как СВ, так и НСВ. При отрицании предикаций, которые отсылают к общей ситуации, к «типу» обозначаемой ситуации, допускается только употребление НСВ.

6. Выводы

Исходным пунктом наших рассуждений был тезис о том, что глагольные предикации являются «скрытыми» бытийными высказываниями, которые могут отсылать к индивидуализованной ситуации, к «экземпляру» обозначаемой ситуации, но также и к общей ситуации, к «типу» обозначаемой ситуации. На примере предикаций в прошедшем времени я пытался показать, что референтное различие между «экземпляром» и «типом» имеет принципиальное значение для категории вида в русском языке. Предикации, которые отсылают к общей ситуации, к «типу» обозначаемой ситуации, допускают в русском языке употребление только НСВ. В таком случае мы имеем дело с общефактическим значением НСВ. При употреблении НСВ в общефактическом значении обозначаемая ситуация концептуализуется как потенциально повторяемая.

Напротив, предикации, которые отсылают к конкретной, индивидуализированной ситуации, к «экземпляру» обозначаемой ситуации, допускают употребление обоих видов. Если употребляется СВ, то обозначаемая ситуация получает видовую характеристику и концептуализуется как ограниченная в своем временном протекании. Если употребляется НСВ, что при отсылке к конкретной ситуации допускается только тогда, когда налицо контролируемые агентивные ситуации, то мы имеем дело с единично-фактическим значением НСВ. Обозначаемая ситуация в таком случае так же, как и при употреблении НСВ в общефактическом значении, не получает видовой характеристики. Если НСВ отсылает к конкретной ситуации, к «экземпляру» обозначаемой ситуации, то НСВ посредством контекста может получать прогрессивное значение. В таком случае обозначаемая ситуация концептуализуется в своем протекании, как развертывающаяся параллельно течению соотносимого времени.

Я пытался показать, что различие между индивидуализированными ситуациями, между «экземплярами» обозначаемой ситуации, и общими ситуациями, «типами» обозначаемой ситуации, оказывается релевантным для категории вида в русском языке и при анафорическом употреблении глагольных предикаций.

Литература

- Апресян, Ю.Д. 2009. *Исследования по семантике и лексикографии*. Москва.
- Арутюнова, Н.Д. 1976. *Предложение и смысл*. Москва.
- Арутюнова, Н.Д., Ширяев, Е.Н. 1983. *Русское предложение. Бытийный тип*. Москва.
- Бондарко, А.Б. 1983. *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*. Ленинград.
- Грени, А., Филюшкина Краве, М. 2007. Конкуренция видов: Прагматические импликатуры и анафорические пресуппозиции несовершенного вида. *Вопросы Языкознания* 4, 51-62.
- Князев, Ю.П. 2007. *Грамматическая семантика*. Москва.
- Козинцева, Н.А. 1991. *Временная локализованность и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями*. Ленинград.
- Маслов, Ю.С. 1975. *Введение в языкознание*. Москва.
- Маслов, Ю.С. 2004 [1948]. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. In: *Избранные труды*. Москва, 71-96.
- Мелиг, Х.Р. 2004. Оппозиция «есть» vs. нулевая форма в русских бытийных предложениях при отнесенности к конкретно-предметным референтам. In: Апресян, Ю.Д. (ред.): *Сокровенные смыслы. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой*. Москва, 437-450.
- Падучева, Е.В. 1996. *Семантические исследования*. Москва.
- Падучева, Е.В. 1985. *Высказывание и его соотношенность с действительности*. Москва.
- Парешнев, Е.Ю. 2004. *Аспектуальная характеристика высказываний с формами сложного будущего времени в современном русском языке*. ДКФ Санкт-Петербург.
- Рассудова, О.П. 1982 [1968]. *Употребление видов глагола в современном русском языке*. Москва.
- Рахилина, Е.В. 2000. *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. Москва.
- Шатуновский, И.Б. 2004. Общефактический НСВ: Коммуникативные функции и референция. In: Апресян, Ю.Д. (ред.): *Сокровенные смыслы. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой*, Москва, 368-377.
- Шатуновский, И.Б. 2009. *Проблемы русского вида*. Москва.
- Шелякин, М.А. 2007. *Категория аспектуальности русского глагола*. Москва.
- Bertinetto, P.M. 1986. *Tempo, Aspetto e Azione nel verbo italiano*. Firenze.
- Bertinetto, P.M. et al. 2000. The Progressive in Europe. In: Dahl, Ö. (ed.): *Tense and Aspect in the languages of Europe*. Berlin, 517-558.
- Breu, W. 2003. Der indefinite Artikel in slavischen Mikrosprachen: Grammatikalisierung im totalen Sprachkontakt. In: Kuße, H. (Hrsg.): *Slavistische Linguistik 2001*. München, 37-76.

- Dahl, Ö., Hedin, E. 2000. Current relevance and event reference. In: Dahl, Ö. (ed.): *Tense and Aspect in the languages of Europe* (Empirical approaches to language typology, EURO-TYP 20-6). Berlin, 385-401.
- Dickey, S.M. 2000. *Parameters of Slavic Aspect*. Stanford.
- Givón, T. 1978. Definiteness and Referentiality. In: Greenberg, M. (ed.): *Universals of Human Language*. Stanford, 293-329.
- Hedin, E. 2000. The type-referring function of the imperfective. In: Dahl, Ö. (ed.) *Tense and Aspect in the languages of Europe* (Empirical approaches to language typology, EURO-TYP 20-6). Berlin, 227-264.
- Hutton, Ch. 1990. *Abstraction and Instance. The Type-Token Relation in Linguistic Theory*. Oxford.
- Karttunen, L. 1971. *Discourse referents*. Bloomington.
- Krámský, J. 1972. *The Article and the Concept of Definiteness in Language*. The Hague.
- Krifka, M. 1995. Common nouns: A contrastive analysis of Chinese and English. In: Carlson, G., Pelletier, F. (Hrsg.): *The Generic Book*. Chicago, 398-411.
- Langacker, R.W. 1991. *Foundations of Cognitive Grammar II*. Stanford.
- Leinonen, M. 1982. *Russian aspect, "temporal'naja lokalizacija" and Definiteness / Indefiniteness*. Helsinki.
- Leiss E. 2000. *Artikel und Aspekt*. Berlin.
- Landman, M., Morzyski, M. 2003. Event-Kinds and the Representation of Manner. In: Antrim, N.M. (ed.): *Proceedings of the Western Conference in Linguistics (WECOL) 11*, California State University, 1-12.
- Mehlig, H.R. 1979. Überlegungen zur Funktion und Determinierung der Aspekte im Russischen. In: J. Raecke (Hrsg.): *Slavistische Linguistik 1978* (Slavistische Beiträge 133). München, 151-168.
- Mehlig, H.R. 1988. Verbalaspekt und Determination. In: Raecke, J. (Hrsg.): *Slavistische Linguistik 1987* (Slavistische Beiträge 230). München, 234-296.
- Mehlig, H.R. 2011. General Yes-No Questions and Verbal Aspect in Russian. *Scando-Slavica* 57/2, 177-200.
- Mittwoch, A. 2008. The English Resultative Perfect and Its Relationship to the Experiential Perfect and the Simple Past. *Linguistics and Philosophy* 31, 323-351.
- Mueller-Reichau, O. 2011. *Sorting the world. On the relevance of the kind/object-distinctions to referential semantics*. Heusenstamm.
- Peirce, Ch. 1971 [1906]. *Graphen und Zeichen: Prolegomena zu einer Apologie des Pragmatizismus*. Stuttgart.
- Weiss, D. 1983. Indefinite, definite und generische Referenz in artikellosen Sprachen. In: Mehlig, H.R. (Hrsg.): *Slavistische Linguistik 1982* (Slavistische Beiträge 172). München, 229-261.